

Одесские новости. 1900. 9 ноября. Вечернее при-
ложение к № 5126.

с. 3.

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ

ТЕРНИИ ПОПУЛЯРНОСТИ.

Во время своего пребывания въ Москвѣ въ течение почти цѣлой недѣли Горькій и Чеховъ были предметомъ назойливаго вни-
манія публики художественно-обществен-
наго театра. По словамъ „Нов. Дня“, за
ними шествовали по пятамъ, на нихъ ука-
зывали пальцами: ихъ наружность, ихъ
костюмы, ихъ походка, прически, фасоны
галстуковъ обсуждались и комментировались
въ ихъ же присутствіи. Ни Горькій, ни Че-
ховъ не могли шагу ступить по фойе, что-
бы за ними не образовался цѣлый шествіе,
а передъ ними—живая стѣна.

Съ окончаніемъ спектакля для Горькаго
и Чехова кончалась только половина терза-
ній. Ихъ поджидали у выхода изъ театра,
ихъ дѣлали овации, ихъ вослали на ру-
кавъ.

На послѣднемъ представленіи „Дядя Ва-
ня“ Горькій и Чеховъ спрятались во время

одного изъ антрактовъ въ небольшомъ ка-
бинетикѣ въ фойе и пили чай. У двери ка-
бинета моментально собралась цѣлая стѣна
любопытныхъ. Кончился антрактъ, публика
не расходится. Тогда Горькій вышелъ изъ
кабинета и обратился къ толпѣ со слѣдую-
щей речью:

„Что вы глѣзаете на меня. Что я—Венера
медвайская, балерина, или утопленникъ? И
еще разказы, они вѣдь, очевидно, нра-
вятся, очень радъ этому обстоятельству.
Но зачѣмъ же вы ходите за мною по сѣб-
дѣмъ, смотрите мнѣ въ ротъ, хлопаете мнѣ...
Нанимаете шесу, поправите лавъ,—ну и
шлепайте себя на зоры... Вотъ и сей-
часъ—въ театрѣ давно уже поднимъ занавѣсъ,
идетъ такая чудная, высоко-художе-
ственная пьеса, а вы предпочитаете стоять
въ фойе и смотрѣть, какъ я съ Антономъ
Павловичемъ чай пью!.. Стыдно, господа,
стыдно“...

Въ отвѣтъ на эти энергическія слова пу-
блика разразилась рукоплесканими.